

МЕДИЙНОЕ/СЕТЕВОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ

Виктория Константиук¹

Abstract

The main purpose of this article is to consider the characteristics of the mediation today, in the era of Web 2.0, especially in comparison with earlier media forms, such as cinema. In this article, new media will be considered as a form of social mediation. It will be shown that new media, social media led to a shift to the Imaginary, captured users in the networks of enjoyment, production, and surveillance.

Keywords: the social, social mediation, network mediation, the Imaginary, cinema, new media, social media.

Гиперреализация социального в эпоху позднего капитализма

Основная цель статьи: рассмотреть особенности медийного и сетевого опосредования сегодня, в эпоху Web 2.0, в том числе в сравнении с более ранними медийными формами, напр. такой, как кино. В данной статье медийное опосредование рассматривается как вид социального опосредования. В понимании «социального» мы будем опираться в первую очередь на идею Жана Бодрийера, которая наиболее полно нашла отражение в его книге *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*². Социальное будет также рассматриваться не как абстрактное понятие, а в его действенной, опосредующей и структурирующей силе по отношению к человеку и его желаниям. Несмотря на то что идеи о «социальном» выработаны Бодрийером задолго до эпохи Web 2.0, они не теряют своей актуальности и возможности применения к пониманию сегодняшнего новомедийного общества.

Символическое, социальное, гиперреальное – основные этапы, которые, по Бодрийеру, проходят общества. Социальное – это то, что основывается на инстанциях, возникших на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ, в которых не было социального как такового. В производстве социального задействованы такие

¹ Виктория Анатольевна Константиук – культуролог, преподаватель департамента медиа Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² Ж. Бодрийер: *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.

процессы и институты, как урбанизация, производство, медицина, образование, социальное обеспечение и др., тогда как «социальные науки» призваны закрепить впечатление, что социальность вечна. Однако сегодня от этого впечатления, по мнению Бодрийера, следует освободиться. Именно поэтому «социальное» Бодрийера отличается от более традиционной социологической трактовки данного понятия, которая связана с идеей вечности социального.

Жан Бодрийер полагает, что социальное одновременно и создаётся, и разрушается, в первую очередь с помощью различных социальных институтов, в том числе и медиа, опосредующих жизнь человека и общества. И здесь Бодрийер мыслит вполне психоаналитически: вытеснение символического социальным неизбежно приводит к возврату вытесненного. Символическая традиционная интеграция общества заменяется функциональной, благодаря которой параллельно возникают дезинтеграция и символические остатки. Функциональные институты берут на себя ответственность за *остатки символической дезинтеграции* – социальная инстанция обнаруживается там, где для неё не было ни места, ни даже имени. По мере усиления такой дезинтеграции множатся, распространяются и развиваются «социальные отношения». Социальное, как утверждает Жан Бодрийер, имеет смысл исключительно в пределах симулякров второго порядка, перспективного пространства.³ Симулякр *первого порядка* действует на основе естественного закона ценности, симулякр *второго порядка* – на основе рыночного закона стоимости, симулякр *третьего порядка* – структурного закона ценности.

В настоящее время социальное эпохи модернизма поглощается симулякрами *третьего порядка*, то есть гиперреальным. Рациональная социальность договора – социальность диалектическая, распространяющаяся на государство и гражданское общество, публичное и частное, социальное и индивидуальное, – уступает место новой форме социальности – *социальности контакта, множества временных связей*, «в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением»⁴. Жан Бодрийер предполагает, что сегодня мы все принадлежим обществу сверхсоциальности.

Гиперреальность, по Жану Бодрийеру, – это разубеждение в возможности хоть какой-то реальности, разубеждение, которое подавляет реальность тем, что заставляет её постоянно разрастаться, навязывать себя снова и снова. Гиперреальность устраняет социальное (здесь имеются в виду прежде всего старые социальные связи, отношения, связь индивидов через модернистские социальные институты). Признаки этой гиперреализации социального, свидетельства его чрезмерной интенсификации и предвестники

³ Ж. Бодрийер: *Символический обмен и смерть*, Москва: Добросвет, 2000, 111–166.

⁴ Бодрийер, *В тени молчаливого большинства*, указ. соч., 93.

завершения присутствуют повсюду, подчёркивают, обозначают и используют *прозрачность* социального отношения. На производство такого рода реальности, гиперреальности, ориентированы все массмедиа, которые производят её настолько интенсивно, что человек оказывается окружён непристойностью и порнографией.⁵

В понимании Бодрийера, средства массовой информации (медиа) действуют на *двух* уровнях в отношении социального: внешний связан с наращиванием производства социального, глубокий – с нейтрализацией социальных отношений. В книге *В тени молчаливого большинства* Бодрийер полагает, что в современном обществе (а речь идёт прежде всего об обществе, опосредованном такими средствами массовой коммуникации, как телефон, телевидение, кино) никакой социальности уже нет, есть поколение рассеивания, распределения индивидов как пунктов получения и передачи информации в пространстве связи и соединения. Таким образом, согласно Бодрийеру, с усилением медийного опосредования социальное ослабевает.

Мы будем также опираться на подход Жана Бодрийера в понимании медиа как формы. В работе *Реквием по массмедиа* Бодрийер выстраивает своё понимание медиа и медиаопосредования в противопоставлении социалистическому взгляду на медиа Ханса Энциенсбергера⁶, который полагал, что благодаря своей структуре и своему развитию массмедиа содержат в себе потенциальные возможности социалистического производства и демократизации коммуникации. Необходимо лишь высвободить их (радио, телевидение) потенциал из-под власти государственной монополии и капитала, который во многом извратил истинное (социалистическое) предназначение медиа. И даже у Маршалла Маклюэна, по мнению Бодрийера, такое опосредующее звено, как медиа, всё ещё представлено в качестве нейтрального.

Жан Бодрийер полагает, что массмедиа устанавливают определённое социальное отношение не в качестве переносчика содержания, но посредством самой своей формы и своего действия. Медиа – это не демонстраторы, а эффекторы идеологии. И здесь Бодрийер проводит вполне марксистские аналогии: медиа не могут быть нейтральными или неидеологическими, как, например, товар не может обладать неким иным статусом реальности, отличным от той формы, которой он наделяется в действии системы меновой стоимости.⁷ Действию медиа подвергается не то, что просто проходит через прессу, телевидение или радио, а то, что схватывается

⁵ Ж. Бодрийер: *Экстаз коммуникации*, [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.e-reading.link/chapter.php/102670/12/Bodriiyyar_-_Sbornik_stateii.html.

⁶ Enzensberger H. *Constituents of a Theory of the Media*, [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://excerpiter.wordpress.com/2006/10/21/hans-magnus-enzensberger-constituents-of-a-theory-of-the-media-1970/>

⁷ Ж. Бодрийер: Реквием по медиа, в Ж. Бодрийер: *К критике политической экономики знака*, Москва, Библион-Русская книга, 2003, 184.

формой/знаком, что артикулируется в соответствии с моделью, управляется кодом.

Отсутствующий Другой в структуре желаний современного субъекта/пользователя

Рассуждения о социальном/гиперреальном Бодрийера, производство которых связано в том числе и с медиа, а также проблематику нейтрализации социального и социальных отношений имеет смысл соотнести с идеей «отсутствующего Другого» Ренаты Салец и «утратой символической эффективности» Славоя Жижека. В данной части мы продолжим тему особенностей «социального» сегодня, обращаясь к теме структуры социального порядка, в котором живёт современный человек, к теме социального медийного опосредования желаний современного человека/пользователя. Идеи данных авторов важны в связи с их интересом к взаимодействию социального и индивидуального, Символического и Воображаемого в эпоху позднего капитализма.

Тема отсутствия Большого Другого (напр. жёстких социальных запретов и ограничений) находится в центре внимания многих социологов и философов психомарксистской направленности. Среди них французский психоаналитик Серж Лесур⁸ и словенский философ, социолог, психоаналитик Рената Салец. В своих рассуждениях о социальном, Символическом как Другом с большой буквы (согласно лакановской психоаналитической терминологии) она опирается, прежде всего, на идею безграничности мира психоаналитика Жан-Пьера Лебрена, содержащуюся в книге *Мир без границ. Эссе о психоаналитической клинике социального*⁹, на размышления об изменении отношения к Другому ещё одного ученика и последователя Лакана Шарля Мельмана (см. *Человек, освобождённый от силы тяжести*¹⁰) и французского философа Дани-Роберта Дюфура (см. его *Искусство укрощения умов: новое рабство освобождённых в век тотального капитализма*¹¹).

Ключевой вопрос для Ренаты Салец заключается в том, как субъект идентифицируется с символическим порядком в домодернистском, модернистском и постмодернистском обществах.¹² В домодернистском обществе, по утверждению автора, обряд посвящения располагает субъекта в социальной структуре, отводит ему особое место, а также особую сексуальную роль. В модерном обществе уже нет места инициационным ритуалам, но авторитет

⁸ С. Лесур: Дискурс капитализма и анализант сегодня, *Лаканалия*, 2012, 8 (Тревога): 120–123.

⁹ J.-P. Lebrun: *Un monde sans limite. Essai pour une clinique psychanalytique du social*, Erès, 1997.

¹⁰ Ch. Melman: *L'Homme sans gravité. Jouir à tout prix*, Paris, Denoël, 2002.

¹¹ D.-R. Dufour: *The Art of Shrinking Heads: The New Servitude of the Liberated in the Age of Total Capitalism*, Polity, 2008.

¹² Р. Салец: *(Из)вращения любви и ненависти*, Москва: Изд-во «Художественный журнал», 1999, 147.

закона по-прежнему в силе. Модерный субъект всё ещё связан со своей традицией, семьёй, национальной общиной, однако эта традиция в некоторых случаях уже не является тем, что целиком и полностью определяет субъекта, обеспечивая ему чувство уверенности и безопасности. Постмодерный субъект, по мнению Салецл, изгнан из своей общины; это индивид, который вынужден находить и каждый раз по-новому устанавливать своё место в обществе, каждый раз по-новому соотноситься с собственными желаниями. Общество такого субъекта больше не отправляет «обряд» посвящения, и субъект должен/вынужден «свободно» и самостоятельно выбирать своё место в обществе. Такова логика социального опосредования постмодернистского общества.

Кроме того, основополагающей становится идея выбора, на которой строится нынешний капитализм. Это касается не только вопросов потребления, но и практик субъективации. Именно последние исследования Ренаты Салецл, такие как *Беспокойства в безграничном мире*¹³, *Тревога. Мышление в действии*¹⁴, *Тирания выбора*¹⁵, разворачиваются вокруг проблематики отсутствия Другого в постмодернистском обществе и связанной с ней темой свободного выбора. Однако и в своей ранней книге (*Извращения любви и ненависти* (1998))¹⁶ Рената Салецл писала о том, что сегодня произошли существенные перемены в отождествлении субъекта с символическим порядком, с так называемым большим Другим, что в постмодернистском мире «люди уже не верят в сказки о Большом Другом, как верили в них в обществах преמודернистском и модернистском»¹⁷.

Идею отсутствия Другого в свою очередь развивает психоаналитик Серж Лесур в статье *Дискурс капитализма и анализант сегодня*¹⁸, который считает, что нынешний культурный дискурс соответствует формуле капиталистического дискурса Жака Лакана. В дискурсе капитализма субъект относится к социальной сфере таким образом, что он или она воспринимают себя в качестве господина. При капитализме субъект, таким образом, воспринимается как агент, который имеет огромную власть.¹⁹ Это субъект, который волен выбирать не только объекты, доставляющие ему удовлетворение, но нечто большее – направление своей жизни, то есть речь идёт о субъекте, который выбирает самого себя. Именно этого, по мнению Лесура, нынешние взрослые требуют от подростков: выбери, кем ты хочешь быть, ты должен сам выбрать профессию. Но ты можешь выбрать не только свою профессию, ты можешь выбрать

¹³ R. Salecl: *On Anxiety. Thinking in Action*, Profile Books, 2004.

¹⁴ R. Salecl: *Worries In a Limitless World*, *Cardozo Law Review*, 2005, 26(3): 1139–1159, [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.dumclub.si/mateja/karamazov_www/r_salecl_worries.htm.

¹⁵ R. Salecl: *The Tyranny of Choice*, Profile Books, 2011.

¹⁶ Салецл: (*Извращения любви и ненависти*, указ. соч.

¹⁷ Там же, 18.

¹⁸ Лесур, указ. соч, 120–123.

¹⁹ Salecl, *Worries In a Limitless World*, op. cit.

свой гендер, свою веру и даже половую/сексуальную ориентацию. Другими словами, это определяется самим человеком независимо от другого/Другого. То есть происходит смещение субъективности к личному выбору и ответственности за этот выбор.

Это важное преобразование имеет свои клинические последствия, такие как тревога и неудовлетворённость, как полагают Рената Салецц и Серж Лесур. Субъекты, по мнению Салецц, по-разному справляются с индивидуализацией (этот термин она использует, опираясь на Ульриха Бека²⁰) в постмодернистском обществе: в одном случае доводя её до полного предела (любые практики потребления – от потребления товаров до визуального потребления – этому всячески способствуют); в другом случае – посредством упрочнения своей идентификации с этнической традицией либо с сообществом.

Славой Жижек также развивает идею изменения статуса Другого в нынешнем обществе, идею снижения символической эффективности²¹, опираясь на психоанализ Жака Лакана (понятия перверсии и шизофрении) и понятие «атонических миров» (*monde atone*) Алена Бадью²², которым не хватает вмешательства господствующего означающего, рассуждает о статусе и функции киберпространства в этом контексте²³. Извращенец (перверт) в психоанализе (не в морализаторском, а структурном плане) – это субъект с незавершённой кастрацией, поэтому он бесконечно ищет закон, который может её завершить. Извращение поэтому не связано с попыткой выйти за рамки закона, но с индивидуальными попытками субъекта найти утраченный (социально установленный) закон. В свою очередь психоз (шизофрения) определяется как нехватка означающего, которую Лакан называет Именем Отца.²⁴ Субъект волеиневолей должен восполнить эту нехватку. Таким образом, Жижек опирается на идеи Лакана, чтобы артикулировать снижение ответственности господина и приостановление классической функции означающего Господина. Больше нет господствующего Господина, Другого, который стабилизировал бы смысл, связал вместе цепочку означающих и воспрепятствовал их тенденции к плаванию в неопределённости. И это проявляется во многих сферах жизни современного общества позднего капитализма, в желаниях людей/пользователей.

²⁰ U. Beck: *Risk Society: Towards a New Modernity* (1992); E. Beck-Gernsheim: *Individualization: Institutionalised Individualism and Its Social and Political Consequences*, 2002.

²¹ S. Zizek: *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*, Verso, 2000, 322–341.

²² С. Жижек: *О насилии*, Москва: Европа, 2010, 30.

²³ S. Zizek: What Can Psychoanalysis Tell Us About Cyberspace? *The Psychoanalytic Review*, 2004 (Dec), 91, 6: 801–830, [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.psybc.com/pdfs/library/Psa_Cyberspace.pdf.

²⁴ Ж. Лакан: *Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958)*, Москва, 2002, 168.

Как полагает Славой Жижек, субъективность позднего капитализма – это патологический нарцисс:

«Типичная форма психической экономии субъективности, которая становится всё более и более доминирующей сегодня, так называемая нарциссическая личность, является перверсивной структурой. Так что идея увеличения множественных перверсий всего лишь описывает то, что идеально подходит сегодняшнему порядку позднего капитализма»²⁵.

Развитие нарциссической личности, стремящейся к «самореализации», приводит к растущему самоконтролю (пробежки, здоровое питание, диеты вплоть до анорексии и пр.), т. е. к субъектам, которые сами относятся к себе как к объектам биополитики. Как пишет Жижек, современный субъект вынужден сам устанавливать себе границы и законы.²⁶

В книге *Теории блога: обратная связь и захват в цепях влечения*²⁷, в статье *Реальное интернета (The Real Internet, 2010)* американский теоретик Джоди Дин²⁸ развивает дальше идеи Славоя Жижера в отношении медиа. Падение символической эффективности, по мнению Дин, означает фундаментальную неопределённость, сопровождающуюся невозможностью тотализации.²⁹ Изменение функции Символического связано с возвратностью сложных технологических обществ, которые автор анализирует, опираясь на собственную концепцию «коммуникативного капитализма» в интернете.³⁰ Такой капитализм процветает посредством влечения в силу его повторяющейся интенсивности, когда удовлетворение достигается не посредством достижения объекта, но посредством осуществления возврата на позицию утраты через неудачу.

Современные сетевые медиа, согласно Дж. Дин, захватывают пользователей в сети наслаждения, производства и наблюдения. Современная установка электронно-опосредованной субъективности является одним бесконечным сомнением, бесконечной рефлексизацией. Всегда существуют другие опции, мнения, ссылки, нюансы или непредвиденность, не принятые во внимание, неко-

²⁵ См.: *Hysteria and Cyberspace*. Interview with Slavoj Zizek, [Электронный ресурс] Точка доступа: // <http://www.heise.de/tp/artikel/2/2492/1.html>.

²⁶ С. Жижек: *Устройство разрыва. Параллаксное видение*, Москва: Европа, 2008.

²⁷ J. Dean: *Blog Theory: Feedback and Capture in the Circuits of Drive*, Polity, 2010.

²⁸ Джоди Дин – профессор в Колледже Хобарта и Уильяма Смит (штат Нью-Йорк); редактор журнала *Theory and Event*. Автор и редактор книг: *Теория блогов: обратная связь и захват желаний* (2010), *Демократия и другие неолиберальные фантазии* (2009), *Политика Жижера* (2006), *Секрет публичности* (2002) и др.

²⁹ J. Dean: *The Real Internet*, *International Journal of Zizek Studies*, 2010, 4, 1: 3, [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://zizekstudies.org/index.php/ijzs/article/view/242/322>.

³⁰ Dean, *Blog Theory*, op. cit.

торые частности опыта других и т. д. И если функция старых медиа во многом заключалась всё ещё в доставке сообщения, то новые медиа завязаны на циркуляцию информации.³¹ Шизофреничность новых медиа связана с тем, что пользователь никогда не может быть уверен в том, что делает себя видимым и не остаётся один на один со своими фантазиями.³²

Жан Бодрийяр также полагает, что в современном обществе без Имени Отца, без инстанции, которая регулирует обмен, без этого фаллического опосредования, субъект не способен к вытеснению, не имеет доступа к символическому и впадает в психоз. В то время как в первобытном обществе люди имеют доступ к символическому, но не через Закон, чьи контуры совпадают с очертаниями самого общественного порядка – порядка Отца, Вождя, Означающего и Власти. Символическое у них не является инстанцией, доступ к которой регулируется посредством фаллоса – фигуры, метонимически олицетворяющей собой вообще все фигуры Закона. Символическое для них – это цикл обменов, дарений и отдариваний, порядок, рождающийся из самой этой обратимости. Поскольку древние люди имели доступ к символическому, они были гораздо менее психотичными, по мнению Бодрийяра, в сравнении с людьми модернистского общества, за которым сохраняется эпитет «невротическое». Происходит автономизация (разрыв) психической сферы (Воображаемого) от сферы трансцендентально-социальной (Символического), инстанция психики и бессознательное появляются в результате вытеснения того, что в первобытных обществах коллективно разыгрывалось. Медиа и медийное опосредование (сетевое) являются одними из самых значимых сфер производства такого разрыва и приводят ко всё большей индивидуализации желаний и выбора, автономизации Воображаемого.

Автономизация Воображаемого в кино и новых/социальных медиа

Медийное опосредование – это одна из форм опосредования, которая связана с развитием средств массовой информации и коммуникации. Медиа как форма медиации индивидуальных желаний служат той оптикой, сквозь которую процессы, происходящие в антропологической «толще» повседневного опыта, приобретают свою отчётливость и яркую выраженность. Именно поэтому «медийное» в рамках данной статьи понимается как способ данности социального, как канал и код подключения к измерению социального. В целом же социально-экономические, культурные и медийные преобразования, связанные с развитием капитализма, урбанизации, различных видов коммуникаций, технологий, характеризуются многообразными эффектами отчуждения, становятся той генерирующей сеткой, которая структурирует психику инди-

³¹ Dean, *The Real Internet*, op. cit., 12.

³² Ibid.

вида, воссоздавая на микроуровне механизмы функционирования социальной тотальности.

Фотография, кинематограф, телевидение, интернет – так можно обозначить основные этапы медийного опосредования, «визуального поворота», а также изменения практик потребления и производства социального, гиперреального. Если фотография и кинематограф являлись базовыми культурными формами модерна, то появление телевидения, а тем более интернета связано с пост-модернистским позднекапиталистическим этапом развития общества. Но прежде чем перейти к интернету и новым медиа, хотелось бы вернуться к кино как форме социального опосредования и его особенностям. В этой связи для нас будут важны рассуждения о кино и об особом (перверсивном) положении зрителя в кино французских представителей структурно-психоаналитической теории кино второй половины XX века (Реймон Беллур, Кристиан Метц, Лаура Малви).

Кинематографическая институция, согласно Кристиану Метцу, это не только индустрия кино, функционирование которой подчинено тому, чтобы наполнять зрительные залы, но и ментальный механизм, исторически интериоризованный зрителями, привыкшими к кино, и сделавший их способными потреблять фильмы. Метц обращает внимание на важный момент – желание ходить в кино, без которого нужно было бы создавать механизм принуждения и механизм контроля посещения кинотеатра. Желание ходить в кино является чем-то вроде отражения, порождённого индустрией фильма, но также и реальным звеном в общем механизме этой индустрии, в денежном обороте, в обращении капитала. Кино как институция, которая одновременно находится вне и внутри человека, которая интимна и коллективна, социологична и психоаналитична. И функционирует эта институция точно так же, как запрет на инцест, приводящий в качестве индивидуального неизбежного следствия к эдипову комплексу, кастрации или, возможно, при других общественных условиях к иным психическим формам, каждая из которых по-своему запечатлевает в человеке ту или иную институцию.³³ Внешний (кино как индустрия) и внутренний (психология зрителей) механизмы находятся, согласно Метцу, в отношениях не только метафорической связи, где внутреннее копирует внешнее, «интериоризирует» его, образуя на рецептивном уровне отпечаток той же самой формы, но и метонимической связи, как взаимодополняющие сегменты. В кино Символическое достигается через игру Воображаемого – проекции/интроекции, присутствия/отсутствия, через фантазмы, сопутствующие восприятию.³⁴

Кино, согласно Метцу, является техникой воображаемого в двух смыслах: в обычном, когда фильмы представляют собой вымышленные повествования и основывают свои означающие на вообра-

³³ К. Метц; *Воображаемое означающее. Психоанализ и кино*, Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

³⁴ Метц, указ. соч., 82.

жаемом первого порядка – фотографии и фотограмме, и в лакановской версии, когда Воображаемое, противопоставленное Символическому, но постоянно переплетающееся с ним, представляет собой фундаментальную иллюзию собственно *Я* (*Мои*), неустранимый отпечаток до-эдиповой стадии.³⁵ Поэтому Метц считает особенностью кино не то воображаемое, которое оно способно репрезентировать, а то, которым оно само является, которое конституирует кино в качестве означающего. Кинематографический экран – как другое зеркало (Метц опирается на «стадию зеркала» Лакана как на стадию Воображаемого) для человека, которое является подлинным психическим протезом. Подобно тому как зеркало формировало *Я* в воображаемом, вторичное зеркало экрана, аппарат символического, также основывается на отражении и нехватке, т. к. воображаемый объект – это утраченный объект. «Влечение восприятия» (либо скопическое влечение) представляет отсутствие своего объекта благодаря дистанции, на котором удерживает этот объект. Одна из важнейших черт скопического влечения (вуайеризма) заключается в том, что оно всегда сохраняет разделение между объектом и источником влечения. Взгляд вуайериста удерживает объект на расстоянии. Вуайеризм кино связан не только с темнотой кинозала и экраном как замочной скважиной, но также, с одной стороны, с одиночеством кинозрителя, с другой – с сегрегацией пространства, с разрывом между реальным и перцептивным.³⁶

Метц понимает кино как нечто вроде отгороженного пространства или убежища, которое находится вне активной социальной жизни, хотя одновременно допускается и предписывается ей. Посещение кино – законное действие, которое занимает своё место в качестве признаваемого времяпровождения, однако одновременно это место оказывается «прорехой» в социальной ткани, разрывом, из которого выглядывают вещи, по мнению Метца, немного более безумные, чуть менее одобренные, чем те, которые занимают остальное время. Субъект кино – субъект пустой и отсутствующий, представляющий собой чистую возможность видеть. Фильм благоприятствует нарциссическому уходу в себя и фантазматическому самолюбованию, замыканию либидо на *Я* и временной утрате интереса к внешнему миру; он являет собой своеобразную машину, перемалывающую эмоции и подавляющую действия.³⁷ Таким образом, кино связано с Воображаемым и со скопическим влечением (желанием смотреть), которое и заставляет полюбить кино. Кино вовлекает в Воображаемое больше, чем остальные виды искусства и предшествующие медиа, преподнося дар «всевидения» и «вездесущия».

Лаура Малви в своей работе *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф* (1975) также придерживается мнения, что кино порождает иллюзию вуайеристского одиночества, или,

³⁵ Метц, указ. соч., 26.

³⁶ Там же, 97.

³⁷ Там же, 130–131.

иными словами, скопофилию нарциссического направления. Скопофилический инстинкт и либидинальное *ego* (формирующие Я субъекта и процессы идентификации) выступают в виде совокупности моделей, механизмов, на действии которых умело играет кинематограф.³⁸ Славой Жижек также полагает, что кино и в целом визуальное перверсивны, а интимная связь перверсии и киберпространства стала сегодня общим местом.

Таким образом, ключевой в структурно-психоаналитических исследованиях кино является идея, что кино развивает скопофилию в нарциссическом направлении, способствует как гиперреализации социального, так и индивидуализации желаний, автономизации Воображаемого. Новые социальные медиа в данном контексте не являются такими уж новыми и делают это ещё более эффективным образом. Они сегодня повсеместно проникли в нашу жизнь: *Одноклассники*, *ВКонтакте*, *Facebook*, *YouTube*, *Twitter*, *Instagram* и многие другие платформы определяют ежедневные привычки социального взаимодействия, общения, творческого производства и участия. Основные изменения, о которых повсеместно говорят теоретики новых медиа, связаны с высокой степенью пользовательского участия в культурном производстве, в формировании новых структур субъективности.³⁹ Теперь возможно массовое авторство в самых разных сферах (в сфере компьютерных игр, картографии, производстве бестселлеров, фотографий, видео, новостей и др.). С появлением новых технологий и медийных сред пользователи совершенно иначе чувствуют, желают и утверждают себя в культурном пространстве. В то же время интернет и новые медиа дают шанс узнать о мириадах отдельных вещей за счёт утраты возможности познать сам мир. Социальные сети в интернете скорее служат для авторепрезентации самого субъекта, чем для создания сообществ, сводят пользовательские практики к мастурбационному, нарциссическому средству одинокого удовольствия. Социальная жизнь в *YouTube*, как полагает Андрей Горных, трансформируется в несуществующую историю, выступает всего лишь как предлог для пользователей создавать свои частные потоки визуального удовольствия на руинах публичной сферы.⁴⁰

Сегодня, по мнению Жижека, интернет, социальные медиа часто упрекают в том, что самые интимные вещи могут быть выставлены на всеобщее обозрение, в связи с чем частная жизнь ока-

³⁸ Л. Малви: Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф, в Е. Гапова, А. Усманова (ред.): *Антология гендерной теории*, Минск: Прополис, 2000, 293.

³⁹ См., напр. Н. Jenkins: *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*, New York University Press, 2006; S. Livingstone: *New Media, New Audiences? New Media and Society*, 1999, 1(1): 59–66; Н. Соколова: *Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта*, Самара: Самарский университет, 2009.

⁴⁰ А. Gornyk: *From YouTube to RuTube, or How I Learned to Stop Worrying and Love All Tubes*, in P. Snickars, P. Vonderau (eds.): *The YouTube reader*, Lithuania, 2009, 166–187.

зывается под угрозой и даже исчезает. Но следует иметь в виду, что параллельно в процессе публичной демонстрации интимных деталей исчезает сама публичная жизнь, публичная сфера, в которой ты действуешь как символический агент, несводимый к частному индивиду, к совокупности интимных свойств, желаний, травм. В настоящее время, после распада систем социальной связности и обеспечения субъекта необходимыми средствами для воображаемых и символических идентификаций, осталось немного альтернатив для того, чтобы вписать субъекта в матрицу символического.

Таким образом, несмотря на наличие широкого медийного опосредования (предполагающего одновременность коммуникации, отслеживание изменений в режиме реального времени, возможность немедленной обратной связи, потенциальную бесконечность), социальное сегодня становится ещё больше проблемой (по сравнению с эпохой модерна), а то и вовсе стремится к исчезновению, оставляя человека в ситуации один на один с собственным «зеркальным отражением». Как отмечает Андрей Горных в статье *Монтаж как историческая форма*, уже в эпоху модерна «социальное опосредование становится чем-то вроде негативной галлюцинации, прозрачного пустого места, не дающего тем не менее это беспроблемно совпасть с собой»⁴¹.

История развития медиа и медийного опосредования, в результате, имеет диалектический характер: с одной стороны, нарастание коммуникации и социального (сегодня сверхсоциального, либо гиперреального), с другой стороны, происходит всё большая утрата социальной связности и всё возрастающая индивидуация субъективности, автономизации Воображаемого. Новые медиа, социальные сети, с одной стороны, осуществляют гиперреализацию социального, с другой стороны, ещё больше подпитывают самозамкнутость, нарциссизм пользователей. Происходит восполнение Символического Воображаемым и автономизация последнего.

---

⁴¹ А. Горных: *Монтаж как историческая форма*, в Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов, В.Л. Круткин (ред.): *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность*, Саратов: Научная книга, 2007, 348–367.